

№49

24 декабря 1946 г., Москва

Дорогой Изя,

Очень давно не писал Вам, не ответил на большое письмо, и на открытку отвечаю с запозданием. Все время усердно пишу работу «Характеристические циклы многообразий» [192]. К сожалению, выходит длинно, уже написано сорок пять страниц и еще придется написать страниц двадцать. Меня в этом огорчает, что размер работы будет отпугивать читателей. Правда, пишу очень обстоятельно и почти без всяких ссылок, что, несомненно, облегчит чтение. Как только

закончу, смогу передать Вам один экземпляр. После этой думаю написать подробно еще две заметки «Топологические инварианты римановых многообразий»^[193] и «Классификация отображений трехмерной сферы в комплекс». Первая из этих работ не нужна мне в дальнейшем, но она близко примыкает к тому, что пишу сейчас и поэтому удобно писать ее теперь, чтобы не забыть всего. Дальше в плане стоят две заметки о косых произведениях. Впрочем, первую можно было бы не писать, так как она сделана другими. Таковы мои литературные планы. В процессе писания кое-что придумывается и новое, во всяком случае, возникают некоторые планы. К сожалению, писание идет очень медленно — в среднем, страница в день.

Вы интересуетесь совместной работой [А.Н.] Колмогорова и [Н.Н.] Лузина. Это, конечно, нужно рассказывать, а не писать, так как требуется выражение голоса, чтобы передать все. Летом Колмогоров сказал мне, что единственное его беспокойство относительно избрания [П.С.] Александрова заключается в том, что он стал несомненным кандидатом за четыре месяца до выборов. Пусики^[194] провели большую подготовительную работу в смысле установления всяких соглашений с академиками. [И.М.] Виноградову, например, было обещано, что Колмогоров будет поддерживать [М.А.] Лаврентьева за то, что Виноградов поддержит Александрова. В общем, казалось, что все будут за Александрова. [С.Н.] Бернштейн, например, на заседании Института^[195] сам выдвинул кандидатуру Александрова, правда и [Н.Г.] Чеботарева тоже. Колмогоров договорился с начальством, что его включают в экспертную комиссию. Первой тревожной вестью было то, что его не включили, но он надеялся, даже был уверен, что это уж не важно. После работы экспертной комиссии произошло несколько закрытых совещаний академиков по обсуждению кандидатов, и тут только Колмогоров узнал, что ни один из членов экспертной комиссии не поддерживает Александрова. Бернштейн, напротив, яростно против него возражает, говоря, что у Александрова вредное направление. Поведение Бернштейна кажется мне до сих пор мало понятным, быть может, он просто поругался с Пусиками. Все остальное довольно понятно. Лаврентьев оказался почему-то бесспорным кандидатом и не нуждался в поддержке Колмогорова, который и в комиссию-то не входил. Таким образом, Виноградов вовсе не нуждался в Колмогорове и Пусике^[196]. Что же касается [С.Л.] Соболева, и [С.А.] Христиановича, то первый чрезвычайно ненавидит Пусика за изгнание из директоров, второй же — его друг и приятель. При сложившейся обстановке надежды на успех почти не было. Оставалась только возможность, что некоторые из академиков-математиков поддержат Александрова, физики его поддержать хотели, но, конечно, не могли идти против всех математиков. Лузин стал надеждой

Пусиков, он был ими приглашен в Комаровку и обещал поддержку. Однако на окончательном закрытом совещании выступил против Александрова. По выходе с этого совещания совершенно расстроенный и обозленный Колмогоров подошел к Лузину и сказал, что не может теперь иметь с ним ничего общего. Лузин же сделал вид, что ничего не понимает, и стал говорить так: «Голубчик, успокойтесь, да что с Вами, да Вы больны, успокойтесь». Вот это нужно было рассказывать с выражением. Колмогоров тогда сказал ему: «Ну что же мне с Вами делать, в физиономию Вам плюнуть или по морде дать?» Подумав, он решился на последнее.

Неделю тому назад вернулся из Ленинграда, где был в гостях у Таси^[197]. Работа у нее идет очень хорошо, за полтора месяца она, по-видимому, сумела получить существенные результаты. Теперь она занимается морфологией нервной системы саранчи. У нее есть способности в изготовлении тонких препаратов, а это там нужно. Бытовые условия тоже хорошие.

В Москве – [М.М.] Гринблум^[198], он очень интересуется Вами, не собираетесь ли Вы в Москву на каникулы?

Шлю Вам сердечный привет. Пишите. Не обижайтесь за топологию, разница между положением член-корра и академика очень невелика, а причины, решающие вопрос об избрании, очень случайны.

Лева